

ОТ ЦАРИЗМА К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ. НАЛОГОВЫЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЭКОНОМИКИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ДИСКУРСЕ ВЛАСТИ

Рассматривается формирование налогового механизма регулирования крестьянской экономики в первое десятилетие советской власти в дискурсе власти и как цельный исторический период. Исследование доказывает, что налоговая политика Советского государства – это, прежде всего, классовая политика. Приоритет политических целей при отсутствии профессионального опыта, налаженного учета и контроля стал особенностью этой политики. Наиболее показательными эти процессы становятся со второй половины 1920-х гг.

Ключевые слова: налоговая политика; крестьянство; продналог; продразверстка; советская власть; новая экономическая политика.

Любая революция, выполняя неизбежные разрушительные функции, несет в себе и созидательное начало. А строительство нового общества выдвигает на передний план задачи управления им. Своеобразие задач управления в Советской России определялось тем, что созидательные задачи пришлось решать в крестьянской стране. В системе взаимоотношений государства с крестьянством важное место принадлежало налоговой политике, которая оказывала существенное влияние на важнейшие социально-экономические процессы в аграрной сфере. Поэтому выявление и анализ связей и закономерностей, а также допущенных ошибок в налоговой практике изучаемого периода могут оказаться действенными для изучения процессов формирования хозяйственного механизма советской экономики. Важно изучить этот феномен, уяснить, что в нем можно развивать, что безнадежно устарело, какие уроки из прошлого опыта необходимо извлечь.

Опыт управления аграрной экономикой в Советской России, формирование каналов воздействия государства на деревню, включая и налоговую политику, были предопределены, прежде всего, конкретно сложившейся ситуацией, связанной с приходом к власти большевиков, поиском модели регулирования крестьянской экономики. Особенно интересным оказался опыт новой экономической политики. Неслучайно, поэтому определена хронология исследования.

Интерес историков к поставленной проблеме проявился сравнительно давно. Большой вклад в исследование истории советской доколхозной деревни внесли труды В.П. Данилова. В его работах наряду с освещением разных сторон социально-экономических отношений рассматривается и налоговая политика первых лет советской власти [1–3]. Отдельные попытки исследования налоговой политики Советского государства в деревне предпринимались и ранее [4–6].

В современной отечественной литературе совершается переоценка существовавших ранее позиций. Происходит становление и развитие новых парадигм изучения советской и российской аграрной истории. Не ослабевает интерес историков и к «налоговым» проблемам [7–9]. Подробный анализ историографии аграрной проблематики представлен в фундаментальном труде «Аграрная история XX века: Историография и источники» [10]. Налоговая проблематика ста-

новится популярной среди современных экономистов и юристов [11–12].

Определенный вклад в изучение поставленной проблемы вносят зарубежные исследователи [13–17]. Правда, зарубежные исследователи-аграрники достаточно редко обращаются к изучению конкретных проблем советской аграрной истории: землеустройству, планированию, финансированию, налоговой политике.

Однако процесс формирования различных каналов воздействия Советского государства на деревню нельзя отнести к числу хорошо изученных проблем. Картина формирования хозяйственного механизма советской экономики не может считаться полной без рассмотрения одного из важных инструментов государственного воздействия на сельскохозяйственную сферу экономики – налоговой политики. Данная исследовательская проблема не рассматривалась в дискурсе власти и как цельный исторический период. В статье предпринята попытка выявить специфику формирования налоговых механизмов управления аграрной сферой экономики с точки зрения изучения особенностей формирования парадигмы, модели взаимоотношений государства с большинством населения страны, не являвшимся политической основой власти. Имеет смысл посмотреть на проблему в методологии дискурса, и прежде всего дискурса политического как анализа явных и скрытых политических смыслов становления новой власти. Предлагаемый исследовательский подход дает возможность в сконцентрированном виде выявить комплекс мер государственной политики, приведших к форсированию одних форм хозяйствования и уничтожению других, и проследить их влияние как на состояние сельскохозяйственного производства в рассматриваемый период, так и на перспективы общественного развития страны.

Победившая революция потребовала коренной перестройки налоговой системы. Советское государство выбрало для себя наиболее приемлемый в тех условиях путь, пытаясь в первый год пролетарской диктатуры упорядочить взимание старых налогов. При этом следует иметь в виду, что согласно весьма авторитетным исчислениям, сделанным экономистом А. Вайнштейном, сельское хозяйство России уже перед войной (1912 г.) имело самую высокую в Европе тяжесть налогового обложения (табл. 1). Платежеспособность крестьянства в то время подошла к критическому рубежу.

Таблица 1

Сравнительная характеристика тяжести довоенного налогообложения в России и европейских странах*

Страна	На душу населения всех налогов и сборов, руб.	Довоенный национальный доход на душу, руб.	Отношение налога к доходу, %
Россия	11,23	85,47	13,1
Германия	27,38	283,61	9,7
Франция	41,66	359,36	11,6
Австрия	24,61	198,14	12,4
Великобритания и Ирландия	48,54	472,03	10,3
Италия	23,74	217,56	10,9

* Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6990. Л. 120.

В таблице используются данные в расчете на все население. Однако следует учитывать, что в структуре налогообложения западноевропейских стран главную роль играло налогообложение преимущественно городского населения. В России же основное место занимали косвенные налоги: акцизы, таможенные пошлины и другие, платившиеся в очень значительной степени крестьянством [18. Л. 123]. Кроме того, Россия в то время имела значительно меньший процент городского населения. Поэтому налогообложение крестьянства здесь будет более приближаться к среднему на душу, чем в каждой из перечисленных стран.

Однако опора на прежнюю систему налоговых отношений не стало основным содержанием налоговой политики новой власти. К осени 1918 г. национализация банков, исключение из финансовой системы страны внешних займов, безудержная инфляция привели к острому финансовому кризису. В это время уже начала складываться система государственного управления сверху вниз, которая впоследствии получила название политики «военного коммунизма». Советская власть сделала попытку выйти из критического финансового положения издав два декрета ВЦИК и СНК «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом» и «О 10-миллиардном революционном налоге на имущие слои населения» [19. С. 467, 470–473]. Первый декрет юридически оформил упразднение поземельного налога и стал началом эксперимента по обложению натуральным налогом вследствие отказа от денег при «военном коммунизме». Второй – последней серьезной попыткой в начальный период существования советской власти покрыть государственные расходы за счет прямого денежного обложения. Эти два налога преследовали не только финансовые, но и, прежде всего, классовые цели. Объединить эти две цели и даже просто собрать налог оказалось исключительно трудным делом.

Сбор налога был поручен исполнительным комитетам советов и комитетам бедноты, а централизованное распределение его находилось в руках Народного комиссариата финансов [20. С. 169]. Местным органам власти была дана большая свобода в выборе конкретных методов сбора налога. Как методы, так и результаты сбора варьировались от губернии к губернии. Официально установленной датой уплаты налога было 15 декабря 1918 г. По данным Народного ко-

миссариата финансов на май 1919 г., общий сбор составил менее 10% обложения [21. С. 21–23]. Менее всего собрали налога в Московской и Петроградской губерниях, на которые, по предварительным расчетам, приходилась половина всего налога. В.И. Ленин впоследствии скажет о нем: «Он был принят – этот закон, вводящий натуральный налог с земледельцев, – но в жизнь он не вошел» [22. С. 28].

Суть натуральных налогов, проводившихся тогда, и прежде всего, как она понималась в то время, заключалась в том, что ими облагали, исходя из предполагаемых нужд, а не из производства. Не случайно, поэтому на I всероссийском съезде заведующих финотделами советов заместитель председателя ВСНХ В.П. Милютин, полемизируя с В.И. Лениным, заявил: «Лично я на прямые налоги не возлагаю надежды. Те опыты, которые мы проделывали, дали незначительные результаты. Налоги эти, конечно, будут проводиться и в дальнейшем, но не приходится возлагать на них серьезные упования. При небольших результатах они дают массу недовольства и требуют сложного аппарата их взимания» [21. С. 50].

Неудача с прямым налогообложением заставила советское правительство искать иные средства для достижения цели. Некое промежуточное положение в процессе этого поиска занимает декрет «Об обязательном товарообмене». В нем предусматривались обязательные поставки продовольствия каждым уездом на суммы не менее 85% стоимости отпущенных кооперативам промышленных товаров. Однако и эта попытка не дала ожидаемых результатов.

В условиях разрухи, отсутствия опыта управления экономикой и революционного пафоса борьбы с классовым врагом предпочтительными казались методы контрибуций, реквизиций, конфискаций и в конечном итоге продовольственная разверстка.

Складываются и механизмы осуществления этих методов. Ими стали рабочие продовольственные отряды и комитеты бедноты, создание которых современные исследователи связывают с попыткой новой власти расколоть крестьянство по социальному признаку [7. С. 324]. В начале апреля 1918 г. появилось три декрета, посвященных созданию этого механизма. Согласно первому декрету профсоюзы, фабричные комитеты, городские и уездные советы должны были организовать продовольственные отряды из рабочих и беднейших крестьян и отправлять их в зернопроизводящие губернии, чтобы «добыть хлеб по твердым ценам, или за счет изъятия у кулаков». Половина зерна, получаемого таким способом, предназначалась организациям, пославшим отряды, другая – Народному комиссариату продовольствия. Второй декрет обязывал губернские и уездные Советы, а также комитеты «беднейших крестьян» и профсоюзы организовывать, где необходимо, аналогичные отряды для сбора урожая. В третьем – определялась организация и структура рабочих отрядов, которые должны были включать «не менее 25 человек из числа, безусловно, честных и преданных революции рабочих и беднейших крестьян» [23. Ст. 633; 24. Ст. 638; 25. Ст. 677]. Задуманный механизм начал работать и дал желаемые результаты. К январю 1919 г. только Петроградский

Совет направил 189 отрядов численностью до 72 тыс. человек. Примерно столько же отрядов было сформировано и Московским Советом [26. С. 170, 174].

В январе 1919 г. этот механизм был доведен до логического конца и в организационно-юридическом плане нашел выражение в продовольственной разверстке. Разверстка осуществлялась как натуральная повинность в порядке принудительного отчуждения требуемого количества продуктов. В этом состояло ее отличие от обычного прямого обложения. Согласно декрету Совнаркома от 11 января 1919 г., сопровождаемому подробной инструкцией Народного комиссариата продовольствия, все количество хлеба и зернового фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей, разверстывалось между производящими губерниями. Губернии должны были провести разверстку среди уездов, уезды – среди волостей, а волости, в свою очередь, распределяли свои квоты между деревнями и отдельными крестьянами [27. Ст. 10, 11].

Предполагалось функции по сбору разверстки возложить на сельскую общину. Восстанавливался принцип коллективной ответственности, на котором основывалось сельское налогообложение царского правительства. Фискальный механизм общины с трудом приспособлялся к новым условиям. Тем не менее в течение Гражданской войны фискальные функции общины год от года увеличивались. Недостатки общинного разверсточного механизма «выправлялись» мощным продовольственным аппаратом, энергичными действиями продармейцев и продотрядчиков, постоянным контролем советских и партийных органов за ходом выполнения продразверстки. Продовольственные органы часто поступали негибко, неумело, с грубейшими нарушениями, что вызывало естественное недовольство крестьян [28. С. 177–179].

Прогрессивность обложения, предусмотренная разверсткой, была очень приблизительной. Трудно было практически соразмерить объем изъятий с действительным наличием продуктов в хозяйстве, с его мощностью и зажиточностью. Как правило, критерии изъятия определялись сельским сходом. Продразверстка доводилась до каждого члена сельского общества и фактически превращалась в подушную раскладку. При таком подходе строгого соблюдения классового принципа не получалось. Больше других страдали основные категории крестьянства середняки, а порой даже и бедняки [Там же. С. 179–180]. И это происходило несмотря на то, что зимой 1918–1919 гг. акцент в политике партии по отношению к крестьянству смещается с поддержки беднейшего крестьянства на внимание к среднему. В резолюции VIII съезда РКП (б) «Об отношении к среднему крестьянству» отмечалось, что среднее крестьянство должно облагаться «чрезвычайно умеренно, лишь в размере вполне посильном и необременительном для него» [29. С. 78].

Метод реквизиций «совершенствовался» и давал свои результаты. VII Всероссийский съезд Советов в декабре 1919 г. принял резолюцию, рекомендуя продолжить политику реквизиций и требуя, чтобы продразверстка была распространена «с хлеба и мяса на

картофель и, по мере необходимости, на другие продукты сельского хозяйства».

Уже во вторую заготовительную кампанию объем заготовок резко возрос. В потребляющей полосе он увеличился в 12 раз, хотя, естественно, удельный вес заготовок там был незначительным – лишь 8% всего хлеба, заготовленного в Европейской России. Из потребляющих губерний перевыполнили разверстку: Московская, Тверская, Смоленская, Северо-Двинская. В производящих губерниях выполнение разверстки возросло на 55% по сравнению с предыдущим сезоном. Наивысший процент выполнения разверстки был в Вятской губернии – 110,9, Екатеринбургской – 93,9 и Симбирской губернии – 79,9. В 1920/21 г. по продразверстке было заготовлено 367 млн пуд. хлеба, 75 млн пуд. картофеля, 14 млн пуд. семян масленичных культур, 24 млн пуд. мяса, 1180 тыс. пуд. льна, 855 тыс. пуд. пеньки, 725 тыс. пуд. шерсти, 8 475 тыс. шкур [28. С. 181–182].

Это привело к тому, что тяжесть налогообложения крестьян значительно превысила уровень предшествующего периода (табл. 2).

Таблица 2
Сравнительная таблица тяжести налогообложения крестьянского населения России в довоенное и революционное время*

Годы	В среднем на душу всех налогов и сборов, довоенные руб.	Отношения налогов и сборов к условно чистому доходу, %
1912	6,35	8,85
1918–1919	3,90	9,7
1920–1921	10,30	25,1
1921–1922	6,34	17,7
1922–1923	4,59	15,0

* Подсчеты А. Вайнштейна см.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6990. Л. 122.

Из таблицы видно, что абсолютные размеры сумм крестьянских платежей в 1918–1919 гг., по сравнению с предвоенным периодом, даже уменьшились, но превысили их в 1920–1921 гг. Однако вследствие сильного сокращения производства тяжесть обложения резко возросла, составив более 25% условно чистого дохода. Это и явилось одной из причин ухудшения обстановки в деревне, что потребовало смены курса.

Важным звеном новой экономической политики стала перестройка налоговых отношений в деревне. Понятие продовольственного налога не было новым для менявшейся экономической концепции. Продналог, как уже было отмечено, был введен осенью 1918 г. и его никто не отменял. К тому же крестьянство отождествляло оба вида натуральных сборов – и продналог, и разверстку [30. Ст. 1012; 31. Ст. 142, 143]. Тем не менее принятию декрета ВЦИК о замене продовольственной разверстки продналогом предшествовала бурная полемика в комиссиях Политбюро и ЦК партии. О содержании споров дает представление сравнение проектов декрета о замене разверстки натуральным налогом с его окончательным вариантом

Согласно декрету ВЦИК от 21 марта 1921 г. [32. Ст. 147], разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменялась натуральным налогом. Взимаемый в виде процентного отчисления от собранного урожая, он имел прогрессивное построение, в частности, предлагалось

установить пониженный процент отчисления продукции для маломощных хозяйств. В декрете ВЦИК первоначальный план В.И. Ленина был дополнен предоставлением налоговых скидок крестьянам, расширявшим посевные площади или увеличивавшим урожайность на своих полях в целом. Коллективная порука, которая признавалась в проекте, одобренном Десятым партийным съездом, была отменена в окончательном тексте декрета. Взамен вводилась ответственность каждого крестьянина за выполнение налога. Предполагаемый в проекте товарообмен был направлен на обеспечение потребительскими товарами и сельскохозяйственными орудиями «беднейшей части населения», а в тексте декрета планировался исключительно в обмен на излишки продуктов, добровольно предоставляемые помимо выполненного налога в пределах «местного хозяйственного оборота». Содержание понятия «местный хозяйственный оборот» не разъяснялось. Через несколько дней декрет Совнаркома, дополнив декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г., отменил ограничения, подразумеваемые под термином «местный хозяйственный оборот», разрешив «свободный обмен, продажу и покупку», т.е. восстановил торговлю [32. Ст. 143].

Декретом Совнаркома от 28 марта 1921 г. был установлен хлебный налог в размере 240 млн пудов. За счет торговли и обмена предполагалось дополнительно получить еще 160 млн. Таким образом, планировался необходимый для потребления минимум – 400 млн пудов хлеба. Однако осуществить это решение не удалось. В конце года было официально объявлено, что из 38 млн десятин земли, засеянных в европейских губерниях РСФСР, урожай был полностью уничтожен засухой на более чем 14 млн десятин. Южные и юго-восточные губернии Европейской России охватил голод. Вместо запланированных 240 млн пудов продовольственного налога на 1921/22 г. было собрано только 150 млн [33. С. 80]. Страна встала перед серьезными продовольственными проблемами.

Налог 1921/22 г., как и прежние налоги советской власти, не создавал достаточных стимулирующих условий для развития сельскохозяйственного производства. Определенное количество культур, которые государство принимало в уплату налога, заставляло крестьян разводить их в избытке. Это обстоятельство ограничивало рост товарности крестьянского хозяйства. Стремясь к максимальному охвату источников дохода, новая власть установила обложение налогом молочного скота, птицеводства и др., что привело к множественности налогов. Первоначально продовольственный налог сводился к 13 налогам, которые взимались 18-ю различными продуктами. Вместе с местными налогами в 1922 г. в деревне насчитывалось до 34 видов натурального обложения [34. Л. 202].

Несмотря на происходившие в экономике перемены, налог по-прежнему тяжким бременем лежал на крестьянстве, составив в 1921/22 г. 17,7%, а в 1922/23 г. 15% к условно-чистому доходу на душу крестьянского населения, что в 2 раза превосходило довоенное налоговое бремя (см. табл. 2). Причем это были не просто средние по стране цифры, а минимальные показатели [18. Л. 124].

Кроме того, натуральность налогообложения означала, что помимо непосредственного налога налогоплательщик несет ответственность по доставке его на сыпной пункт или заготконтору. А если учесть довольно строгие требования по кондиционности сдаваемых продуктов и злоупотребления при приемке, то потери крестьян складывались в немалые цифры. Экономисты 20-х гг. Ю. Ларин и А. Вайнштейн определили прибавку на все расходы и потери, связанные с уплатой налогов в натуральной форме, в 20–25% к обложению [18. Л. 125].

Требовались существенные изменения налоговой системы. Но трансформация затронула, прежде всего, организационную сторону проблемы, практически не коснувшись тяжести налогового обложения крестьянского хозяйства. Согласно решениям XI и XII съездов партии были внесены изменения в налоговую систему страны. 10 мая 1923 г. был принят декрет ЦИК СССР и СНК о едином сельскохозяйственном налоге [35. Ст. 451]. Началось формирование аппарата осуществления единого сельскохозяйственного налога. На местах были образованы налоговые комиссии, составлялись налоговые списки.

Новый налог вводился взамен всех ранее существовавших в сельском хозяйстве налогов. Для определения суммы налога с каждого хозяйства устанавливались: группы хозяйств по количеству пахотной сенокосной земли в хозяйстве, группы хозяйств по количеству голов скота (в переводе на крупный рогатый скот) и разряды урожайности начиная с 25 пудов и менее с десятины. Была составлена особая таблица ставок налога. Группы хозяйств и разряды урожайности предполагалось устанавливать на местах соответствующими губернскими и уездными властями, но с таким расчетом, чтобы сумма налога автономной республики, области, губернии, и уезда не были в итоге понижены.

Налог, как правило, должен был взиматься деньгами или натурой. Однако по соглашению комиссариатов продовольствия и финансов из этого правила допускались исключения. Декрет допускал отступление в ту и другую сторону, если по условиям реализации урожая натуральная форма взыскания окажется удобнее денежной или наоборот.

Для удовлетворения местных расходов (содержание школ, больниц, дорог, мостов, и пр.) устанавливалось процентное отчисление с каждого отдельного хозяйства. Размер этих отчислений определялся по соглашению комиссариатов финансов, продовольствия и внутренних дел.

Плательщики обязаны были приступить к сдаче налога сразу после уборки урожая и предъявления им окладных листов. Неисправные плательщики подлежали личной и имущественной ответственности в судебном и административном порядке. За просрочку платежей полагалась пеня. Отмечалось, что на неправильное исчисления и взыскание налога могли приноситься жалобы через налоговую инспекцию, но при этом разъяснялось, что взыскание налога подача жалобы не останавливает [36].

Общая сумма дохода от сельскохозяйственного налога была определена на 1923/24 г. в 420 млн золо-

тых рублей, в то время как поступления от всех налогов с крестьянских хозяйств – государственных и местных – в 1922/23 г. оценивалось в 390 млн золотых рублей. Таким образом, обложение деревни с введением единого сельскохозяйственного налога увеличилось.

С 1924/25 г. единый сельскохозяйственный налог взимался уже полностью в денежной форме. Этому способствовали процессы восстановления внутреннего рынка, укрепление государственных финансов, в частности денежная реформа. Налоги в деревне отделяются от системы заготовок сельскохозяйственных продуктов и переходят в ведение финансовых органов. Создается стройная система государственной налоговой политики.

С введением денежного налога продовольственные органы были упразднены. При этом в народном комиссариате финансов в отделе прямых налогов создавалась особая часть по налогу с сельского хозяйства, которая делилась на подотделы – законодательно-инструкторский, оперативный и статистический [37. Л. 1–2]. Подобную структуру имели и местные налоговые учреждения. В губернских финансовых отделах советов при подотделе прямых налогов создавалась особая часть по сельскохозяйственному обложению, в уездных финотделах – отделения по сельскохозяйственному налогу. При волостных исполкомах существовал налоговый стол «под ответственностью председателя волисполкома», который вел докладную книгу по селениям и вносил в нее сведения о поступлениях по налогу. За работой волостных налоговых столов следил разъездной налоговый инспектор. Во время сбора налогов работали выездные сессии народных судов, в том числе и выездные сессии губернских ревтрибуналов [Там же. Л. 3–4].

С введением денежных налогов тяжесть обложения по-прежнему оставалась высокой. Государственные налоги с крестьянского населения – прямые и косвенные – составили в 1924/25 г. 175 954 тыс. руб. По отношению к товарной массе сельского хозяйства это соответствовало 17% [34. Л. 207]. Кроме единого сельскохозяйственного налога крестьяне платили множество местных налогов и сборов. Общая сумма их к основному налогу в разных регионах колебалась от 20 до 80% [38. Л. 132, 133]. Информация с мест свидетельствовала, что крестьяне повсеместно выражали недовольство существовавшей налоговой политикой.

В 1925 г. в правительственных кругах прошли бурные дебаты о налоговой политике в деревне. А.И. Рыков охарактеризовал существующую налоговую систему как наследие «военного коммунизма», которое чрезвычайно тормозит развитие сельского хозяйства и накопление в нем. По мнению Н.И. Бухарина, высокое обложение сельского хозяйства являлось тормозом в его развитии. Вместе с политикой цен оно ограничивало пределы и перспективы народного хозяйства в целом. «Беря меньше, мы в тоже время сокращаем и “время производства” и “время обращения”, т.е. идя вначале медленно, мы с лихвой догоняем, перегоняем и оставляем далеко позади тот темп, который считаем основным вопросом нашей экономической политики». Среди партийно-

государственной элиты существовали и крайние мнения. Поступали даже предложения отменить сельскохозяйственный налог как государственный с тем, чтобы он стал “деревенским”, т.е. оставался в местном бюджете, а получаемая сумма расходовалась на нужды деревни (школы, больницы, агрономическая помощь и т.п.)» [34. Л. 216–219].

С переходом к социалистической реконструкции народного хозяйства значение налога как источника государственного дохода усилилось. Партия вновь идет по пути реформирования сельскохозяйственного налога. Об этом было сказано в решениях апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б): «Достигнутая степень товарно-денежных отношений и накопления в деревне, с одной стороны, необходимость регулирования накопления в соответствии с интересами пролетарского государства, с другой, выдвигают задачу построения такой системы обложения крестьянского населения, которая по своему типу максимально приближалась бы к системе подоходного обложения» [39. С. 319].

Перестройка сельскохозяйственного налога была начата с 1926/27 г. Прежде всего, изменились принципы налогообложения. Он стал исчисляться по доходу хозяйства, определяемому в натуральных показателях. Исчисленный по натуральным показателям доход не соответствовал реальному доходу ни по размерам, ни по структуре. В наименее выгодных условиях оказалось зерновое направление. При этом общие размеры налоговых платежей увеличились на 31% [40. С. 205]. Это означало, что государство вновь преследовало не только фискальные, но и, прежде всего, политические цели в отношении крестьян. Заметно возросла прогрессия налоговых ставок. В 1924/25 г. бедняки платили 0,76 руб. с каждого члена семьи, середняки – 3,09, кулаки 11,03 руб. В 1926/27 г. ставка налога на едока в бедняцком хозяйстве понизилась до 0,22 руб., в середняцком почти не изменилась (3,13 руб.), а в кулацком достигла 15,42 руб. [1. С. 186].

Изменение курса наиболее отчетливо нашло отражение в усилении мер, направленных на экономическую деградацию зажиточного крестьянства. Согласно решениям XV съезда ВКП(б), потребовавшего дальнейшего усиления прогрессивно-подоходного обложения деревни, ЦК партии принял решение о повышении на 1928/29 г. суммы сельхозналога до 400 млн руб. (в 1927/28 г. было собрано 354,2 млн) при сохранении значительных льгот для колхозов и освобождения от обложения 35% хозяйств [41. С. 191]. Вводилась прогрессивная надбавка к нормативно исчисленному доходу зажиточных хозяйств от 5 до 25%. Причем самые богатые хозяйства стали облагаться в индивидуальном порядке. Немалая часть экономически сильных хозяйств не выдерживала повышения обложения, утрачивала экономические позиции и переходила в другие слои населения.

Одновременно идет процесс усиления налоговых льгот для колхозов. В 1926/27 г. им предоставлялась скидка в размере 25% исчисленной суммы сельхозналога, а кооперативным товариществам, «применяющим общественную обработку земли без наемных рабочих», – в размере 10%. В 1928/29 г. скидка с

оклада налога была установлена в размере: 30% для коммун, 25% для сельскохозяйственных артелей и 20% для товариществ [42. Ст. 188; 43. Ст. 104].

Признаки серьезного разлада взаимоотношений между важнейшими сферами экономики, между государством и крестьянством обнаружались осенью 1927 г. Учитывая рыночную конъюнктуру, государственную налоговую политику, политику цен и другие факторы, крестьяне снизили удельный вес посевов зерновых культур с 85,1% в 1926 г. до 84,4% в 1927 г. Урожайность зерновых по стране снизилось на 10,5%, что привело к уменьшению заготовок на 12,7% по сравнению с 1926/27 г. К началу 1928 г. хлебный дефицит составил 128 млн пудов [44. С. 104].

Вместо экономических мер выравнивания ситуации к крестьянству были применены административно-репрессивные меры. К тем, кто не сдал всех «хлебных излишков», применялась ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшая ответственность за спекуляцию. «Излишки» хлеба, а

точнее обычные хлебные запасы крестьян на случай неурожая, безвозмездно были конфискованы, что еще более подрывало экономику крестьянского хозяйства.

Гораздо серьезнее были политические последствия чрезвычайных мер. Государство более не считает крестьянина равным партнером по рынку. Индивидуальный крестьянин уже не рассматривается советской властью как союзник на длительную перспективу. Опыт налоговых кампаний первого десятилетия советской власти, до предела обострив противоречия между целями пролетарского государства и возможностями крестьянства, показал, что налоговая политика советской власти – это, прежде всего, классовая политика. К концу исследуемого периода складывается ситуация полной разбалансированности экономических отношений между государством и крестьянством. Выход был найден в командной экономике. Экономического партнерства между государством и крестьянством не получилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство, 1917–1927 гг.: сб. ст. / отв. ред. И.М. Волков. М.: Наука, 1977. С. 167–172.
2. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 318 с.
3. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 357 с.
4. Залесский М.Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М.: Госфиниздат, 1940. 120 с.
5. Соколов Н.Г. Ленин и налоговая политика партии в деревне (1917–1929) // Ученые записки Рязанского педагогического института. 1971. Т. 29. С. 34–59.
6. Роголина Н.Л. Налоговая политика Советского государства в отношении деревенской буржуазии до сплошной коллективизации (1926–1929) // Вестник МГУ. Сер. История. 1971. № 5. С. 60–73.
7. Носова Н.П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917–1929). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 345 с.
8. Доброженко Г.Ф. Противоречия налоговой политики в деревне 1921–1927 гг.: Между классовой справедливостью и экономической целесообразностью // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 3 (71). С. 239–243.
9. Гончарова И.В. «Противопоставление крестьянства власти... чувствуется довольно сильно»: Региональные аспекты налоговой политики в деревне в 1920-е годы. На материале Орловской губернии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2010. Вып. 2. С. 65–78.
10. Аграрная история XX века. Историография и источники. Самара: Самар. ун-т, 2014. 486 с.
11. Серпинский В.В. НЭП: практика налогообложения крестьянства // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1993. С. 60–73.
12. Масленникова А.А. Налоговая политика Советской России в 1917–1929 гг. (Историко-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 213 с.
13. Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers. Princeton: Princeton University Press, 1974. 127 p.
14. Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925. Oxford: Oxford University Press, 1972. 253 p.
15. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907–1917–1922. М.: Весь мир, 1997. 560 с.
16. History of the Russian peasantry in the 20 th Century (volume 1). Tokyo, 2002. 152 p.
17. History of the Russian peasantry in the 20 th Century (volume 2). Tokyo, 2004. 157 p.
18. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6990.
19. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т ист. Акад. наук СССР. М.: Политиздат, 1964. Т. III: 11 июля – 9 ноября 1918 г. 664 с.
20. Сборник декретов и распоряжений по финансам. Петроград: Ред.-изд. коллегия Нар. ком. финансов, 1919. Т. 1: 1917–1919 г. 440 с.
21. Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. М.: Ред.-изд. коллегия Нар. ком. финансов, 1919. 167 с.
22. Ленин В.И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП (б) // Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 43.
23. Собрание Узаконений РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1917–1918. № 57.
24. СУ РСФСР. 1917–1918. № 58.
25. СУ РСФСР. 1917–1918. № 62.
26. Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов. М.: Гос. изд-во, 1921. Ч. 1: Плenums. 196 с.
27. СУ РСФСР. 1919. № 1.
28. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М.: Наука, 1988. 302 с.
29. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). 8-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1970. Т. 2: 1917–1924. 543 с.
30. СУ РСФСР. 1918. № 99.
31. СУ РСФСР. 1919. № 14.
32. СУ РСФСР. 1921. № 26.
33. Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 г. М.: Редакционно-издательский комитет НКЗ, 1922. 255 с.
34. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1203.
35. СУ РСФСР. 1923. № 42.
36. Экономическая жизнь. 1923. 20 мая.

37. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 5629.
38. РГАЭ. Ф. 7496. Оп. 37. Д. 28.
39. КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 3.
40. Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М. : Наука, 1981. 309 с.
41. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). 8-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1970. Т. 4: 1927–1931. 583 с.
42. Собрание законодательства (далее – СЗ). 1927. № 17.
43. СЗ. 1928. № 1.
44. Экономическое обозрение. 1928. № 11.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 января 2018 г.

FROM TSARISM TO THE NEW ECONOMIC POLICY. THE TAX MECHANISM OF REGULATING THE SOVIET RUSSIA PEASANT ECONOMY IN THE DISCOURSE OF POWER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 126–133.

DOI: 10.17223/15617793/428/17

Natalya P. Nosova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nosova-np@mail.ru

Keywords: tax policy; peasantry; food tax; surplus-appropriation; Soviet government; new economic policy.

The article is devoted to the creation of a tax mechanism for regulation of peasant economy in Soviet Russia. The tax policy is considered to be an efficient government tool regulating the agricultural sphere of economy. The research problem is studied in the discourse of power within a certain historical period – from tsarism to the new economic policy. The methodology of discourse (political discourse, in particular) is considered as the analysis of both explicit and implicit political meanings of the establishment of the new power. The suggested research approach allows to briefly observe (1) the state policy measures which led to the rise of some business patterns and the fall of the others, and (2) their influence on both the state of agriculture in the studied period and the perspectives of the country's social development. The author attempts to identify the peculiarities of tax mechanisms which regulate the agricultural sphere of economy focusing on the features of forming the paradigm, the model of the relationship between the state and the country's population that was not the political basis of power. The experience of tax campaigns, which seriously aggravated the contradictions between the state's goals and the peasants' abilities, showed that the most acceptable relationship was the power pressure method. The study proves that the tax policy of the Soviet state was, primarily, a class policy. The priority of political objectives in the absence of professional experience, an established accounting and control of tax collection became a defining feature of this policy. These processes manifested themselves from the second half of the 1920s, when the state's desire to shift its regulatory influence on grain procurements uniting grain collecting and tax campaigns became increasingly evident. In the course of these campaigns, the peasantry, instead of economic measures to equalize the economic situation, was subjected to administrative and repressive measures. Confiscating part of the peasants' necessary products, the state undermined the already fragile economic basis of the peasant economy. During the new economic policy in the conditions of the declared market economy, the state did not look at the peasants as an equal partner in the market, but used them rather as a source of bread. By the end of the studied period, the situation of the complete imbalance in the economic relations of the state and the peasantry shaped itself. The solution was found in the command economy. The economic partnership between the state and the peasantry did not work.

REFERENCES

1. Danilov, V.P. (1977) Sovetskaya nalogovaya politika v dokolkhoznoy derevne [Soviet tax policy in the pre-kolkhoz village]. In: Volkov, I.M. (ed.) *Oktyabr' i sovetskoe krest'yanstvo, 1917–1927 gg.* [October and the Soviet peasantry, 1917–1927]. Moscow: Nauka.
2. Danilov, V.P. (1977) *Sovetskaya dokolkhoznoy derevnya: naselenie, zemlepol'zovanie, khozyaystvo* [The Soviet pre-kolkhoz village: population, land use, farming]. Moscow: Nauka.
3. Danilov, V.P. (1979) *Sovetskaya dokolkhoznoy derevnya: sotsial'naya struktura, sotsial'nye otnosheniya* [Soviet pre-kolkhoz village farm: social structure, social relations]. Moscow: Nauka.
4. Zalesskiy, M.Ya. (1940) *Nalogovaya politika Sovetskogo gosudarstva v derevne* [The tax policy of the Soviet state in the countryside]. Moscow: Gosfinizdat.
5. Sokolov, N.G. (1971) Lenin i nalogovaya politika partii v derevne (1917–1929) [Lenin and the Party's Tax Policy in the Village (1917–1929)]. *Uchenye zapiski Ryazanskogo pedagogicheskogo instituta*. 29. pp. 34–59.
6. Rogalina, N.L. (1971) Nalogovaya politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii derevenskoy burzhuzii do sploshnoy kollektivizatsii (1926–1929) [The tax policy of the Soviet state on the rural bourgeoisie to complete collectivization (1926–1929)]. *Vestnik MGU. Ser. Istoriya*. 5. pp. 60–73.
7. Nosova, N.P. (1993) *Upravlyat' ili komandovat'? Gosudarstvo i krest'yanstvo Sovetskoy Rossii (1917–1929)* [To manage or to command? The state and the peasantry of Soviet Russia (1917–1929)]. Moscow: Moscow *SU.
8. Dobrozhenko, G.F. (2009) Protivorechiya nalogovoy politiki v derevne 1921–1927 gg.: Mezhdru klassovoy spravedlivost'yu i ekonomicheskoy tselesoobraznost'yu [Contradictions of tax policy in the village in 1921–1927: Between class justice and economic expediency]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*. Vyp. 3 (71). pp. 239–243.
9. Goncharova, I.V. (2010) "Protivopostavlenie krest'yanstva vlasti... chuvstvuet'sya dovol'no sil'no": Regional'nye aspekty nalogovoy politiki v derevne v 1920-e gody. Na materiale Orlovskoy gubernii ["The opposition of the peasantry to the government... is felt quite strongly": Regional aspects of tax policy in the countryside in the 1920s on the material of Orel Province]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian history*. 2. pp. 65–78.
10. Kabytova, N.N., Kabytov, P.S. & Kondrashin, V.V. (eds) (2014) *Agrarnaya istoriya XX veka. Istorioografiya i istochniki* [Agrarian history of the 20th century. Historiography and sources]. Samara: Samara State University.
11. Serpinskiy, V.V. (1993) NEP: praktika nalogooblozheniya krest'yanstva [NEP: the practice of taxation of the peasantry]. *Vestnik MGU. Ser. Ekonomika*. 5. pp. 60–73.
12. Maslennikova, A.A. (2004) *Nalogovaya politika Sovetskoy Rossii v 1917–1929 gg. (Istoriko-pravovoy analiz)* [The tax policy of Soviet Russia in 1917–1929. (Historical and legal analysis)]. Law Cand. Diss. N. Novgorod.
13. Lewin, M. (1974) *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers*. Princeton: Princeton University Press, 127 p.
14. Shanin, T. (1972) *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Oxford: Oxford University Press.

15. Shanin, T. (1997) *Revolutsiya kak moment istiny. 1905–1907–1917–1922* [Revolution as a moment of truth. 1905–1907—1917–1922]. Moscow: Ves' mir.
16. Okuda, H. (ed.) (2002) *History of the Russian peasantry in the 20th Century*. Vol. 1. Tokyo: University of Tokyo.
17. Okuda, H. (ed.) (2004) *History of the Russian peasantry in the 20th Century*. Vol. 2. Tokyo: University of Tokyo.
18. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7733. List 1. File 6990. (In Russian).
19. Politizdat. (1964) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of Soviet power]. Vol. 3. Moscow: Politizdat.
20. People's Committee of Finance. (1919) *Sbornik dekretov i rasporyazheniy po finansam* [Collection of decrees and orders for finance]. Vol. 1. Petrograd: Red.-izd. kollegiya Nar. kom. finansov.
21. People's Committee of Finance. (1919) *Trudy Vserossiyskogo s"ezda zaveduyushchikh finotdelami* [Proceedings of the All-Russian Congress of the Heads of the Finance Departments]. Moscow: Red.-izd. kollegiya Nar. kom. finansov.
22. Lenin, V.I. (1970) Otchet o politicheskoy deyatelnosti TsK RKP (b) [Report on the political activities of the Central Committee of the RCP(b)]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 43. Moscow: Politizdat.
23. *Sobranie Uzakoneniye RSFSR*. (1917–1918). 57.
24. *Sobranie Uzakoneniye RSFSR*. (1917–1918). 58.
25. *Sobranie Uzakoneniye RSFSR*. (1917–1918). 62.
26. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (1921) *Vtoroy Vserossiyskiy s"ezd professional'nykh soyuzov* [The Second All-Russian Congress of Trade Unions]. Pt. 1. Moscow: Gos. izd-vo.
27. *Sobranie Uzakoneniye RSFSR*. (1919). 1.
28. Kabanov, V.V. (1988) *Krest'yanskoe khozyaystvo v usloviyakh "voennogo kommunizma"* [Peasant farming in the conditions of "military communism"]. Moscow: Nauka.
29. Politizdat. (1970) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenimov TsK (1898–1970)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1970)]. 8th ed. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
30. *Sobranie Uzakoneniye RSFSR*. (1918). 99.
31. *Sobranie Uzakoneniye RSFSR*. (1919). 14.
32. *Sobranie Uzakoneniye RSFSR*. (1921). 26.
33. People's Commissariat of Agriculture. (1922) *Otchet Narodnogo komissariata zemledeliya IX Vserossiyskomu s"ezdu Sovetov za 1921 g.* [Report of the People's Commissariat of Agriculture to the 9th All-Russian Congress of Soviets for 1921]. Moscow: Redaktsionno-izdatel'skiy komitet NKZ.
34. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7733. List 3. File 1203. (In Russian).
35. *Sobranie Uzakoneniye RSFSR*. (1923). 42.
36. *Ekonomicheskaya zhizn'*. (1923). 20 May.
37. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7733. List 1. File 5629. (In Russian).
38. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7496. List 37. File 28. (In Russian).
39. Fedoseev, P.N. & Chernenko, K.U. (eds) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov i plenimov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses and plenums of the Central Committee]. 8th ed. Vol. 3. Moscow: Politizdat.
40. Bokarev, Yu.P. (1981) *Byudzhetnye obsledovaniya krest'yanskikh khozyaystv 20-kh godov kak istoricheskiy istochnik* [Budgetary surveys of peasant farms of the 1920s as a historical source]. Moscow: Nauka.
41. Fedoseeva, P.N. & Chernenko, K.U. (eds) (1970) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenimov TsK (1898–1970)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1970)]. 8th ed. Vol. 4. Moscow: Politizdat.
42. *Sobranie zakonodatel'stva*. (1927). 17.
43. *Sobranie zakonodatel'stva*. (1928). 1.
44. *Ekonomicheskoe obozrenie*. (1928). 11.

Received: 27 January 2018